

HISTORY OF THE EAST

Universal history (Middle Ages)

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Всеобщая история (Средние века)

Научная статья

УДК 94(515)"1703/1750"

<http://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-1-077-095>

Исторические науки

Джунгаро-тибетские отношения в первой половине XVIII в.: особенности периодизации

Баатр Учаевич Китинов¹ ✉, Лю Цян²

¹ Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,

kitinov@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0003-4031-5667>

² Российский университет дружбы народов, Сянфань, Китайская Народная Республика, Triumph117@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8056-1059>

Аннотация. В настоящей статье авторы рассматривают отношения между Джунгарией и Тибетом, имевшие место в первой половине XVIII в. Целый ряд событий, случившихся в этих странах, хронологически удивительным образом совпадают. Авторы выделяют важные события этого периода: подчинение Лхасы джунгарами в 1717–1720 гг., восстание хошутов Кукунора 1723–1724 гг., развитие джунгаро-тибетских отношений во второй четверти XVIII в., при этом особо отмечается посольство от Галдан-Цэрэна к Далай-ламе в 1742–1743 гг., о чем сохранились записи даже в русских архивных документах. Также отмечается деятельность основных участников: джунгарских *хунтайджи*: Цэван-Рабдана, Галдан-Цэрэна; тибетских лидеров: *гьялпо* Лхавзана, *миванга* Пхолоная, Далай-лам Шестого и Седьмого; цинских императоров: Канси, Юнчжэна, Цяньлуна. Приводится соответствующая переписка между цинскими императорами, с одной стороны, и джунгарскими (и хошутскими) лидерами – с другой. Делается вывод, что джунгаро-тибетские отношения первой половины XVIII в. можно разделить на три этапа: 1703–1717, 1717–1727, 1727–1745/1750 – каждый со своими пиками, и развитие их во многом зависело от состояния тибето-цинских отношений и политики империи Цин в отношении Джунгарии.

Ключевые слова: буддизм; Галдан-Цэрэн; Гелук; Гуши-хан; *гьялпо*; Далай-лама; джунгары; *дина*; Канси; Лобсан-Данзин; Лхавзан; Лхаса; маньчжуры; Ньингма; Панчен-лама; Потала; Пхолоная; Пулутайжий; Сурца; Тибет; хошуты; Цэван-Рабдан; Цяньлун, Юнчжэн

Для цитирования: Китинов Б. У., Лю Цян. Джунгаро-тибетские отношения в первой половине XVIII в.: особенности периодизации. *Ориенталистика*. 2021;4(1):77–95. <http://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-1-077-095>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

The periodization of the relations between Dzungaria and Tibet in the first half of the 18th century.

Baatr U. Kitinov¹ ✉, Liu Qiang²

¹ Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, kitinov@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0003-4031-5667>,

² Friendship University of Russia (RUDN University), Xiangfan, Peoples' Republic of China, Triumph117@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8056-1059>

Abstract. The authors examine the relationship between Dzungaria and Tibet in the first half of the 18th century. A whole series of events that happened in these countries coincide chronologically in a rather surprising way. The authors highlight the important events of this period: the seizure of Lhasa by the Dzungars in 1717–1720, the uprising of the Kukunor Khoshuts in 1723–1724, the development of Dzungar-Tibetan relations in the second quarter of the 18th century. They stress the Galdan-Tsereng's embassy to the Dalai-lama in 1742/1743, the event, which was mentioned even in the Russian archival documents. Besides, they pay special attention to the activities of the main leaders, such as Dzungarian hungtaiji: Tsewang-Rabdan, Galdan-Tsereng; Tibetan rulers: rgyal-po Lhawzang, miwang Pholanay, the Dalai-lamas Sixth and Seventh; the Qing emperors: Kangxi, Yongzheng, Qianlong. They quote the letters exchanged between the Qing emperors, on the one hand, and the Dzungar (and Khoshut) leaders, on the other. The authors concluded that the relations between Dzungaria and Tibet during the first half of the 18th century could be subdivided into three stages (1703–1717; 1717–1727; 1727–1745/1750, each with its peaks). These relations, as well as their development, largely depended on the state of the relations between the dynasty of Qing and Tibet, especially the imperial policy towards Dzungaria.

Keywords: Buddhism; Galdan-Tseren; Geluk; Gushi Khan; *gyalpo*; Dalai Lama; Dzungars; *depa*; Kangxi; Lobsan-Danzin; Lhavzan; Lhasa; Manchus; Nyingma; Panchen Lama; Potala; Pholanai; Pulutaiji; Surtsa; Tibet; Khoshuts; Tsevan-Rabdan; Qianlong; Yongzheng

For citation: Kitinov B. U., Liu Qiang. The periodization of the relations between Dzungaria and Tibet in the first half of the 18th century. *Orientalistica*. 2021;4(1):77–95. (In Russ.) <http://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-1-077-095>.

Введение

Первая половина XVIII в. имеет принципиальное значение в истории Джунгарии, Тибета, а также в отношениях между ними. В рамках одной статьи невозможно охватить все стороны и нюансы этих отношений, так как они проходили под влиянием множества различных факторов, как внутренних, так и внешних. Авторы сосредоточивают внимание на периодизации джунгаро-тибетских отношений, вернее – на выделении этапов, отражающих основные тенденции в их развитии. Следует отметить, что в источниках, а также в трудах иностранных и российских авторов

одни и те же имена и названия могут даваться по-разному, поэтому считаем необходимым указать на такие варианты: Галдан-Цэрэн – как Галдан / Ганден Церинг Вангпо; Гелук – как Желтое учение / доктрина / секта; Гуши-хан – как Гушри-хан; Кукунор – как Куконоор; Лобсан-Данзин – как Лобсан-Дандзин; Лхавзан – как Лозанг; Панчен-лама – как Панчен-Эртэни / Эрдэни, Панчен-хутухта, Бокда-банчен; Пхоланай – как Полханэ; Цаньян Гьяцо – как Цаньянджамцо; Цзонкхапа – как Цзонхава, Богдо-Цзонхава; Цэван-Рабдан – как Хунтайджи.

Лхавзан: гьялпо между Джунгарией и империей Цин

События, произошедшие в Тибете в первые годы XVIII в., вызвали целый ряд принципиальных последствий, в том числе для джунгаро-тибетских отношений. Зачинателями же таких перемен выступили хошуты, получившие право быть «царями» (*гьялпо*) Тибета после побед *дхармараджи* Гуши-хана над врагами школы Гелук в 1637–1642 гг.

В конце 1700 г. в Лхасе скончался *гьялпо* Далай-хан, внук Гуши-хана. Новым *гьялпо* в 1701 г. стал его старший сын Вангьял, которого до лета 1703 г. отравил Лхавзан (1658(?)–1717), младший брат, занявший его место [1, р. 44]. Лхавзан решил возродить политическое значение статуса *гьялпо*, во многом утерянное ввиду авторитета *дипы* (*дэси*, *дэсрид*, регент) Сангье Гьяцо, фактически в одиночку руководившего Тибетом в период после кончины Пятого Далай-ламы в 1682 г. По мнению Л. Петека, у *дипы* были проджунгарские настроения [2, р. 14], и поэтому он заключил с Джунгарией соглашение о военной поддержке¹, хотя некоторые лидеры Гелук не поддержали такое решение. Немало проблем *дипа* обрел и после утверждения в октябре 1697 г. нового (Шестого) Далай-ламы Цаньяна Гьяцо (1683–1706), поскольку духовная политика и практика молодого лидера Гелук вызвала недовольство со стороны ряда видных лам, выступавших за «чистоту» учения Цзонкхапы². Эти ламы обратились за помощью к Лхавзану. Несмотря на то что *дипа* вскоре ушел в отставку, отношения между ними осложнились, и вскоре случилось военное столкновение, в ходе которого Сангье Гьяцо был пленен и 6 сентября 1705 г. казнен [3, р. 273].

Император Сюанье (девиз правления Канси, 1654–1723) поддержал Лхавзана, даровав ему титул «ифакун-шунь-хан» (I-fa-kung-shun-han) [2,

¹ На самом деле, к указанному времени у *дипы* вряд ли были тесные контакты с джунгарами, так как в свое время Цэван-Рабдан, правитель Джунгарии с 1697 г., был против своего предшественника Галдана Бошокту-хана, которого поддерживал *дипа* от имени Далай-ламы. То, что в последующем противостоянии с *гьялпо* Лхавзаном *дипа* не получит помощь от джунгаров, говорит, скорее, в пользу именно нашего предположения.

² Цаньян Гьяцо родился в семье приверженцев «старой» традиции Ньингма, и поэтому многие лидеры Гелук опасались, что он продолжит политику прежнего, Пятого Далай-ламы, Лобсана Гьяцо, прославившего скрытым покровителем этой старейшей школы тибетского буддизма.

р. 15]. Однако в Пекине понимали, что положение сложилось достаточно шаткое, так как в тибетские дела могли вмешаться джунгары: «Как бы там ни было, эта ситуация и непослушание Далай-ламы создали вакуум, который джунгары могли быстро заполнить. У императора было мало времени, особенно, если халхасы и хошуты Кукунора сформировали бы альянс с Джунгарией, чтобы вытеснить их монгольских собратьев из центрального Тибета» [4, р. 110].

В ноябре 1706 г. Шестой Далай-лама, высланный по приказу Лхавзана из Лхасы в Пекин, скончался недалеко от оз. Кунганор в Амдо. На освободившееся место в Потале *гьяпо* посадил монаха Нгаванга Еше Гьяцо, которого объявил «истинным» Далай-ламой (Шестым). Его признали Панчен-лама и император, однако многие тибетцы с этим не согласились и верили, что Цаньян Гьяцо возродится вновь.

Л. Петек отмечал, что «потомки Гушри-хана, живущие там (у Кукунора. – *Авт.*), всегда были довольно ревнивы к своим кузенам в Тибете» [3, р. 281]. Этим противостоянием следует объяснить упорные поиски нового воплощения лидерами кукунорских хошутов, которые обнаружили его в 1712 г. Калсан Гьяцо (Седьмой Далай-лама, 1708–1757) не сразу был воспринят императором Канси. Такой реакции следовало ожидать, поскольку его предыдущее воплощение доставило немало хлопот Пекину. Вместе с тем императору было важно мнение кукунорских владельцев (хошутов), поэтому он, несмотря на сомнения Панчен-ламы в подлинности найденного перевоплощенца, все же решился поддержать потомков Гуши-хана:

«Пятьдесят четвертый год правления императора Канси (1715), апрель, *синь-вэй*.

Из доклада Лифаньюань: «Ранее кукунорский князь правого крыла Дайцин-Хошочи Чаган Дандзин представил императору доклад, где было сказано, что в уезде Литан недавно был обнаружен хубилган, который совершенно точно является перерождением далай-ламы. Он очень просил наделить его титулом (Далай-ламы. – *Авт.*). Однако Панчен-хутухта и Лхавзан-хан утверждают, что этот хубилган не является подлинным. Поскольку они (кукунорские князья правого крыла Дайцин-Хошочи Чаган Дандзин и Лхавзан-хан) являются потомками Гуши-хана и желают жить в добром согласии, то ежели этот хубилган останется в Куконоре, они боятся, что начнутся междоусобицы, поэтому специально посылают императорского телохранителя Ациту-Дорджи с людьми для передачи надлежащего распоряжения – пусть литанский хубилган самолично прибудет в столицу империи на осмотр. Чжунфобао, управляющий канцелярией, отправился к Панчен-ламе для уточнения ситуации с хубилганом. Дайцин-Хошочи представил доклад с просьбой отложить приезд хубилгана в столицу до осени. Канси приказал: пусть литанский хубилган времен-

но поселится в монастыре Синина”³. Ациту-Дорджи представил доклад: “Управляющий канцелярии Чжунфобао уже вернулся от Панчен-ламы. Панчен-лама сказал: ‘литанский хубилган – ненастоящий лама’. Однако Дайцин-Хошочи хочет сам поехать к Панчену и уточнить его мнение. Просим дать приказ о созыве всех кукунорских князей во главе с Ациту-Дорджи для проведения съезда, на котором будут пропагандироваться идеи императорского человеколюбия и зачитано письмо с печатью Панчен-ламы; приказать хубилгану отправиться жить в монастырь Хуншань”. Канси дал согласие» [5, p. 179–180].

Мальчик был отправлен по просьбе хошутов не в Хуншань, а в монастырь Кумбум. Вероятно, прося оставить хубилгана в Кумбуме, хошутские владельцы рассчитывали укрепить свое влияние на него. Документ также дает ясно понять, что хошуты выступили против мнения Панчен-ламы, отвергнувшего истинность нового воплощения. Как отмечают исследователи, маньчжуры и Лхавзан совершили ошибку: они «атаковали» Шестого Далай-ламу, а до того хошутский «царь» убрал *дипу*, что не нравилось тибетцам, и поэтому ламы, с целью стабилизации ситуации и «возвращения» перевоплощенца Далай-ламы, обратились за помощью к джунгарам [6, p. 14].

Джунгарское ханство еще со второй половины XVII в. было в повестке дня цинских правителей, которые принимали в расчет давние интересы джунгаров в Тибете и стремились нивелировать такие угрозы. Маньчжуры, еще в конце XVII в. укрепившиеся в регионе Амдо среди хошутов, стремились расширить свое влияние дальше на запад. Так, в мае 1703 г. одно из маньчжурских посольств посетило джунгарского хунтайджи Цэван-Рабдана (прав. 1697–1727) с предложением принять цинское подданство, однако джунгарский правитель отклонил его [7, с. 79].

Буддизм в Джунгарии при Цэван-Рабдане процветал. Как отмечается в монгольском сочинении первой половины XIX в. «Хрустальное зеркало», Цэван-Рабдан «укрепил учение Винаи, удалил три тысячи пятьсот человек из тех шабинаров, а оставил только тысячу пятьсот. Он очень содействовал распространению буддийской религии и, просидев на престоле около тридцати лет, строго организовал монашеские общины» ([9, с. 121; см. также: 10, p. 154]).

Джунгары и хошуты при Цэван-Рабдане сохраняли между собой хорошие отношения: «Чжунгары и хошоты из поколения в поколение брались между собою» [11, с. 436]. Одной из супруг Цэван-Рабдана была сестра Лхавзана, которая родила будущего джунгарского правителя Галдан-Цэрэна [3, с. 276]. Связи родства между семьями были усилены в 1714 г. браком Галдан-Дандзина (род. около 1691 г.), старшего сына Лхавзана, с Бойталак, дочерью Цэван-Рабдана от супруги-хошутки [12, p. 416]. Свадьба состоялась в Джунгарии, и супружеская пара осталась там [3,

³ Под монастырем Синина подразумевался Кумбум, основанный в 1583 г. будущим Третьим Далай-ламой Соднамом Гьяцо (1543–1588).

р. 276]. Лхавзан был настроен крайне настороженно к этому браку, он даже советовался со своим оракулом Ламо Цангпо, который изрек:

*Пруды и каналы забиты травой,
Они плотно связаны снаружи [как будто] умельцем с ситом.
Для умного человека в этой плачевной ситуации
Волны разбиваются одна за другой [12, р. 415].*

Тем не менее любовные страдания его старшего сына и желание укрепить отношения с джунгарами заставили Лхавзана согласиться с условиями джунгаров: отправить Галдан-Дандзина к ним с небольшим эскортом. Почти в то же самое время, когда жених-хошут отправился к своей невесте-джунгарке, Сурца, второй сын Лхавзана, выехал в Кукунорский регион на поиски невесты для себя. Как считает В. Д. Шакабпа, такой ход событий позволяет предположить, что Лхавзан, заинтересованный в союзе с джунгарами, пытался укреплением отношений с кукунорскими хошутами развеять страхи «китайцев», обеспокоенных развитием отношений между ним и Цэван-Рабданом [12, р. 415].

Между тем в том же 1714 г. ламы ведущих монастырей Лхасы обратились к джунгарскому правителю с просьбой свергнуть Лхавзана, удалить из Поталы «ложного» Далай-ламу и доставить из Кумбума «истинное» его воплощение – Калсана Гьяцо [13, р. 32]. Цэван-Рабдан стал готовиться к походу в Тибет. Чтобы встать на границе у хошут, кочевавших на обширной территории от Алашани до Кукунора, он стал совершать набег на приграничный восточно-туркестанский оазис Хами, беспокоя самих хошут [14, с. 283–284]. «Хунтайджи отправил посла в Кукунор и ложно распустил слух, будто намерен напасть на *дэсрида*. А императору он доложил: “Дэсрид порушил веру Цзонхавы. Запрещает Панчен-Эрдэни ехать в Китай. Он воровским образом возвел на кафедру Далай-ламы человека по имени Цанъянджамцо, обманув, таким образом, всех монголов. От этого может подняться смута”. Но император приказал следить за Цэван-Рабданом, и тот вскоре прекратил военные действия» [9, с. 124].

Таким образом, 1703–1717 гг. в истории Тибета были наполнены, прежде всего, внутренней духовной борьбой (внутри школы Гелук как лидирующего направления) с участием светских властей. В содержательном плане это был период столкновения религиозных идей и светской идеологии (восстановление авторитета власти хошутского *гьялпо* ценой гибели *дипы* и Шестого Далай-ламы), что создавало благоприятные условия для вторжения джунгаров и маньчжуров.

Захват Лхасы джунгарами и падение влияния хошут

Маньчжуры просчитались – джунгары не пошли в Тибет через регион Амдо, где их ждали императорские войска, но, собрав силы в восточно-туркестанском Яркенде (примерно 6 тыс. воинов), пересекли хребет Куньлунь,

причем около трети из них погибли от непогоды и условий высокогорья. В начале августа 1717 г. войско во главе с Церинг-Дондубом, двоюродным братом Цэван-Рабдана, вступило в Тибет в районе Нгари [12, р. 416]. Когда Лхавзан узнал о продвижении джунгаров, он собрал свою армию и выдвинулся навстречу неприятелю. Вскоре состоялось несколько незначительных стычек между сторонами. Вот что писал в Пекин Лобсан-Данзин, с 1714 г. глава кукунорских хошутов: «Пятьдесят шестой год правления императора Канси (1717), октябрь, *и-сы*. Кукунорский князь Лобсан-Дандзин писал в докладе императору: “Церинг-Дондуб, подчиненный Цэван-Рабдана, возглавил 3-тысячное войско на Тибет с целью убийства Лхавзан-хана. Войска Лхавзана столкнулись с противником и провели несколько битв, но ни одна из сторон не выиграла и не проиграла”». [5, р. 190].

Вскоре джунгары приблизились к Лхасе. Иезуит И. Дезидери, пребывавший в то время в тибетской столице, свидетельствовал: «Три монастыря за пределами Лхасы – Сера, Дрепунг и Ганден – приветствовали прибытие татар с явными признаками великого ликования, принося им напитки, оружие и продовольствие. Заговорщики внутри города тайно выдвинулись, чтобы успешно завершить свой заговор» [15, р. 248]. В конце ноября Лхаса была взята штурмом со всех сторон. Джунгары грабили город в течение двух дней. Сильно пострадало монастырское имущество практически всех направлений буддизма, включая и Гелук. Потала также была частью разграблена [15, р. 252]. Джунгары «разрушили монастыри красношапочников... и возвели желтую веру на большую высоту. А эти джунгарские начальники действительно были почитателями желтой веры и утверждали, что они являются милостынедателями именно учения святителя Богдо-Цзонхавы» [9, с. 130] (см. также: [16, с. 137]).

Об убийстве Лхавзана джунгарами также сообщается в «Пагсам-джонсане» Сумба-Хамбо (1704–1788) [16, с. 137]. Вот как описываются события тех дней Панчен-ламой в его автобиографии «Гирлянда Белого Света»: «...[Лозанг Хан] вышел из Поталы... в первый день одиннадцатого месяца. Джунгары убили хана, потому что они его не узнали. Его ханша, сын и монгольская знать были арестованы... Ханше, сыну и другим дали все, что требовалось, например еду и одежду, и они пошли в Поталу. Военные командиры джунгаров сказали, что они должны встретиться со мной (т. е., с Панчен-ламой. – *Авт.*). Соответственно, в четырнадцатый день командиры и около четырех тысяч воинов собрались в большом зале приема Поталы, где я проповедовал (им)» [12, р. 419].

Незадолго до смерти Лхавзан-хан направил письмо к императору Канси, где отмечалось: «Наши многие поколения испытывали на себе милость мудрого императора. Внезапно замысливший злодеяние Цэван-Рабдан отправил 6-тысячное войско, и мы в Тибете вступили войну, которая длится два месяца. Пока нет победителя и побежденного, но неприятельские войска снова движутся к Лхасе. И теперь наши войска защищают Лхасу, однако

армия Тибета очень мала, большая тревога охватывает народ!.. Поэтому убедительно прошу императора скорее отправить подкрепление и прошу кукунорскую армию тотчас же прийти на помощь» [5, с. 191].

Кукунорская (хошутско-тибетская) армия не смогла оказать реальной подмоги Лхавзану. Вот что докладывал в апреле 1718 г. императору его посланник Ациту:

«Наши войска прибыли в Чатанму утром второго дня первого месяца, столкнулись с Идаму-дзаба, который вел семью Лхавзана. Вместе с женой его сына Сурцы они пытались бежать из Лхасы. Они сообщили, что войско джунгаров прибыло в эти места, и мои тибетские войска неоднократно вступали с ними в сражения, обе армии понесли серьезные потери... Моя тибетская армия разогнана. Северные ворота дворца Поталы были взяты, и джунгары вторглись во дворец. Утром первого дня одиннадцатого месяца была прорвана оборона, которую держали Сурца с командой в 30 человек, все они были захвачены. Лхавзан умер в осаде, с того момента мы в бегах. Джунгары держат Далай-ламу в храме Цакбри. Панчен-лама по-прежнему живет в монастыре Ташилхунпо» [5, с. 191].

Действительно, Панчен-ламе не удалось задержаться в Лхасе. Вот что отмечается в его автобиографии:

«Я послал своего казначея, чтобы убедить джунгаров, что они должны ослабить репрессии, не забирая жизни или собственность людей, но я не получил никакого определенного ответа. Я задавался вопросом, смогу ли помочь людям, которые были свергнуты, если бы остался в Потале, а я очень хотел остаться там. Однако джунгары сказали, что для меня было бы неприемлемо оставаться в это время, и что я должен вернуться в монастырь Таши-лхунпо... Я сказал им, что, поскольку я стар и сезон был холодным, мне следует остаться, пока не станет тепло. Однако, поскольку я не был свободен, мне пришлось уехать... на третий день двенадцатого месяца. Старшие ламы монастырей Сера и Дрепунг... и другие собрались, чтобы проводить меня...» [12, р. 421].

Видимо, захватом Лхасы (Тибета) Цэван-Рабдан рассчитывал решить двуединую задачу: создать противовес маньчжурам, поставив у власти нового Далай-ламу (поскольку предыдущий, второй Шестой Далай-лама Нгаванг Еше Гьяцо «изобран был без совета» [17, л. 105]), и вместе с тем добиться признания со стороны императора за «очищение» учения. С этой же целью Цэван-Рабдан планировал использовать нового Далай-ламу.

Важные сведения о религиозных причинах захвата Тибета приводятся в письме Цэван-Рабдана к Канси, которое цинская сторона получила 30 декабря 1720 г. Джунгарский лидер писал, что «Лхавзан после казни *дипы* направил к нему послание: “*Гуши-хан и князья*⁴ приняли религию, состоящую из двух частей⁵, и я буду действовать соответственно. Я не вижу

⁴ Батур-хунтайджи и другие (сноска Е. Крафт).

⁵ Видимо, имеются в виду Далай-лама и Панчен-лама.

ничего, что разделяло бы нас. Давайте будем родственниками!" На это я ответил: "В прошлом вы делали всевозможные вещи (в религии)... Теперь приведите доктрину и изменившуюся религию в соответствие с прежним, старым обычаем, хорошо! Не оставляй дела сановникам Дибы!"» Однако, по мнению Цэван-Рабдана, Лхавзан продолжил практику «загрязняющих искусств», поэтому джунгарскому правителю пришлось направить в Тибет свое войско для наведения порядка [18, S. 64–65]. Далее он писал, что опасения были не напрасными, и были обнаружены свидетельства того, что Лхавзан «действовал в соответствии с (учением) Батма-Самбувы⁶, (что), по-видимому, немного отличалось от [прежнего] обычая» [18, S. 65]⁷. Он даже назвал монастырь, где совершались деяния, противные учению Гелук: «Хотя это доктрина Дердун-батма-лингбы (gter ston pad ma gling pa⁸), это было совершено в Мирулинге⁹ (rme ru gling)» [18, S. 66].

В отношении же Далай-ламы Цэван-Рабдан отмечает, что, поскольку Цаньян Гьяцо стал изучать Ньингма и следовать учению «позднего» Падмасамбхавы, то уже не мог возглавлять Гелук [18, S. 67]. Далее, ссылаясь на прежний указ императора *dipe* о доставке Цаньяна Гьяцо в Пекин и передаче окружения Далай-ламы Панчен-ламе, Цэван-Рабдан писал, что воспринял все это как желание императора сделать «Бокда-банчена настоятелем главного места преподавания Желтого учения¹⁰ и (таким образом) вернуть старый добрый обычай желтой (доктрины)» [18, S. 68].

Осенью 1720 г. джунгары оставили Лхасу и вернулись на родину. Маньчжуры совместно с кукунорскими хошутами доставили юного Далай-ламу в Поталу и создали новую систему управления. В Лхасе появился *амбань* (представитель императора) и небольшой гарнизон цинских войск. И. Дезидери в связи с этими переменами отмечал, что «после примерно двадцати лет такой печальной и продолжительной катастрофы, в октябре 1720 года правление... [в] Тибете перешло от татар к императору Китая; в настоящее время он управляется им, и вполне возможно, что навсегда останется под его властью» [15, p. 260].

Спустя три года после изгнания джунгаров из Лхасы и Тибета, в 1723 г. вспыхнуло восстание хошутов – ойратов, правивших Кукунорским регионом, ближайшими к Тибету землями, имевшими стратегиче-

⁶ Падмасамбхава – основатель школы Ньингма.

⁷ Сумба-хамбо также обвиняет Лхавзана том, что он тайно верил в «старое» учение Ньингма [1, p. 45–47].

⁸ Пема (Падма) Лингпа (pad ma gling pa, 1450–1521) – один из наиболее известных деятелей Ньингма, чье явление как одного из пяти правителей-тертонов было предсказано самим Падмасамбхавой. Лингпа прославился обнаружением многих скрытых *терма* (реликвий) Падмасамбхавы.

⁹ Монастырь был возведен при Три Радпачене, внуке Тисронг Децена, правившем в первой половине IX в. и прославившемся своей глубокой приверженностью буддизму.

¹⁰ Вероятно, подразумевается Потала.

ское значение для интересов династии Цин. Причинами восстания были, кроме прочего, недовольство хошутской знати переменами в управлении Тибета, и особенно лишением их права иметь своего *гьялпо* в Тибете. Движение возглавил упоминавшийся выше Лобсан-Данзин. Для нового императора Иньчжэня (девиз правления Юнчжэн, прав. 1723–1735) это событие стало поводом напомнить хошутам о том, что прежде они высоко ценились императорами и о необходимости сохранять былую лояльность, присущую им со времен Гуши-хана, оказавшего в свое время неограниченную поддержку Пятому Далай-ламе. Одновременно это восстание позволило в очередной раз представить джунгаров как врагов Гелук:

«Первый год правления императора Юнчжэн (1723), июль, *цзи-чо*.

Юнчжэн направил сообщение главному полководцу Фуюаню: «Передай мой приказ Эрдэни Эрке Тогтоною¹¹. Все кукунорские князья являются внуками Гуши-хана. Когда наш император Тайцзун¹² взшел на трон, Гуши-хан и Далай-лама жили в мире и почтительно служили императорскому двору, с тех пор минуло уже 100 лет. Умерший император (Канси) был благосклонен к вам, предоставлял титулы и земли, оказывал свое покровительство. Затем Цэван-Рабдан разрушил желтую секту и окружил Тибет, убил Лхавзана и бесцеремонно нарушил ваш порядок. После этого умерший император отправил большое войско для защиты Тибета, доставил Далай-ламу в Тибет и возродил желтую секту. Ныне без объявления причин войну начал Лобсан-Дандзин, а поскольку вы не присоединились к нему, он напал на вас. Я (искренне) почитаю умершего императора и с заботой думаю о потомках Гуши-хана. Данное злодеяние не имеет никаких оснований, нельзя ждать, следует немедленно идти в карательный поход... Ежели Лобсан-Дандзин раскается в содеянном, я определю степень его вины и помогу вам мирно разрешить (этот конфликт), укажу его братьям занять прежние территории в Кукуноре. Если Лобсан-Дандзин не примет мою волю и бесцеремонно вторгнется в пограничную крепость, то как я могу не двинуть войска для уничтожения мятежников?» [5, с. 208].

Летом 1724 г. восстание было подавлено. Несмотря на то что на стороне Лобсан-Данзина выступили гелукпинские ламы [19, с. 144], впоследствии именно из их лагеря прозвучали утверждения, что неуспех восстания определили религиозные наклонности этого хошутского лидера (якобы он был последователем Ньингма) [20, р. 24]. Лобсан-Данзин бежал в Джунгарию, где Цэван-Рабдан отказался передать его императору, который вновь поднял вопрос о его судьбе в конце 1727 г., когда новым хунтайджи стал Галдан-Цэрэн (прав. в 1727–1745), сын Цэван-Рабдана:

¹¹ Один из лидеров кукунорских хошутов.

¹² Имеется в виду император Абахай (Хунтайджи) (девиз правления Чундэ, 1626–1643), при котором были установлены отношения с Далай-ламой и Гуши-ханом.

«Пятый год правления императора Юнчжэна (1727), декабрь, цзя-у.

Лобсан-Дандзин является сыном Даши-Батура кукунорских хошотов. Его потомки не имеют права поднимать восстание и учинять взаимные расправы... Лобсан-Дандзин самовольно пересек границы и разбил пограничные войска, а затем обратился в бегство. Твой отец обязан был немедленно схватить его и передать мне, это было бы ярким проявлением дружеских чувств между нами. Ты, однако, укрыл его у себя, как это понимать? Ты обязан немедленно похоронить Лобсан-Дандзина. Однако я полагаю, что предыдущие заслуги его отца Даши-Батура позволяют сохранить ему жизнь. Потому я дарую ему свою милость, и повелеваю оставить его в живых» [5, р. 239–240].

1717–1727 гг. – период максимального интереса джунгаров к ситуации в Тибете (трехлетняя оккупация Лхасы в 1717–1720 гг.) и нарастающего вовлечения императоров Канси и Юнчжэна в тибетские дела. И хотя к власти пришел Седьмой Далай-лама, признаваемый легитимным буквально всеми сторонами, уже наметился крен в сторону увеличения роли светской власти, причем не тибетской: в те годы судьба страны решалась уже не в Лхасе, а в Кульдже (столице Джунгарии) и Пекине. Завершение периода знаменательно и падением какого бы то ни было влияния ойратов (Кукунорского и Джунгарского ханств) на политическую ситуацию в Лхасе.

Галдан-Цэрэн и завершение джунгаро-тибетских отношений

В то время, когда Галдан-Цэрэн в 1727 г. пришел к власти в Джунгарии, кардинальные перемены происходили и в самом Тибете. После установления в Лхасе Цинами новой системы управления во главе с Советом министров (*кашаг*), состоявшим из четырех *калонов*, спокойствие в стране было относительным. *Калоны* не были в состоянии согласовать свои представления о пути развития страны, о политике в отношении разных направлений тибетского буддизма, и в результате последовавших конфликтов Канченнэ, главный *калон*, в начале августа 1727 г. был убит. Против заговорщиков выступил Пхоланай, сам бывший *калон*, тем самым начав гражданскую войну. Он смог быстро собрать армию в 9 тыс. человек на западе Тибета; боевые действия, длившиеся год, закончились его победой и казнью виновных в смерти Канченнэ.

Пхоланай возглавил Тибет (прав. 1728–1747), и его права подтвердила комиссия, которую из Пекина прислал император Юнчжэн¹³. Он

¹³ Император хотел, чтобы после этой войны во главе Тибета остался духовный лидер, но не Далай-лама, а Панчен-лама. Еще в конце октября 1728 г. Панчен-лама с подачи двора принял под свое управление три небольших района (Лхацэ, Пунцоглин и Нгамрин), что Л. Петек оценил как первую попытку Пекина создать противовес Далай-ламе [2, р. 154]. В Ташилхунпо было учреждено правительство *Панчен Лабранг*, которое, будучи под надзором *амбаней*, обладало определенной автономией. Но Панчен-лама отказался, и тогда у власти встал Пхоланай.

проводил в целом ту же проманьчжурскую политику, что и Лхавзан-хан. Как писал Сумба-хамбо, Пхолонай был последователем Ньингма и «боялся китайцев и монголов» [16, с. 50, сн. б].

В конце того же 1728 г., когда он пришел к власти, Пхолонай, подозревая Седьмого Далай-ламу Калсана Гьяцо в поддержании отношений с кукунорскими хошутами, в частности с окружением бежавшего в Джунгарию Лобсан-Данзина, заставил лидера Гелук покинуть Поталу. Далай-лама восемь лет провел за пределами Лхасы и почти семь из них – в кхамском монастыре Гартар, недалеко от места своего рождения. Информация о столь большом авторитете и влиянии Пхолоная дошла даже до калмыков; согласно русскому архивному документу, Джимба Джамсо, глава посольства к Далай-ламе, направленного в 1739 г. от калмыцкого правителя Дондук-Омбо, вез с собой письмо от Дондук-Омбо к Пулутайжию¹⁴ с просьбой оказать помощь в посещении Далай-ламы [21, л. 397 об.]¹⁵.

Джунгарский Галдан-Цэрэн также знал о всеилии Пхолоная, но тем не менее он осмелился поставить под сомнение его авторитет. Только этим можно объяснить, что он решился предложить Пхолонаю восстановить правление *гьялпо*:

«Девятый год правления императора Юнчжэна (1731), август, *у-шэнь*. Тибетский Полханэ Соднам Тобгье представил доклад императору: «Джунгары желают, чтобы сын Лхавзана Сурца был отправлен обратно [в Тибет] и стал тибетским ханом». Юнчжэн ответил на это: «Джунгары убили Лхавзана, а его сына Сурца взяли в плен. Нынче он говорит, что Сурца должен быть отправлен обратно в Тибет. Моя армия обязательно примет меры. Если речь зашла об отсылке Сурца, значит, Галдан-Цэрэн замыслил коварство. Раз джунгары убили Лхавзана, сможет ли Сурца, вернувшись в Тибет, спокойно продолжить дело отца своего? Что касается 'ханского' титула, следовало бы принимать решение после доклада Далай-ламы и Панчен-Эрдэни. Как мог Галдан-Цэрэн осмелиться на такие безрассудные действия?» [5, р. 261–262].

Отношения между Джунгарией и империей Цин оставались сложными. В 1729–1732 гг. между ними шли отдельные, но достаточно кровопролитные бои. Обе стороны оказались истощены этими столкновениями, и стали искать перемирия. Галдан-Цэрэн обратился к Далай-ламе: согласно русскому архивному документу от 18 октября 1734 г., весной «контайша де якобы от себя посылал послов к далай-ламе и просил, чтобы их далай-лама примирил и войну прекратил, понеже де от продолжения войны со обеих сторон народы пришли во оскудение и весма

¹⁴ Пхолонай был известен и под этим именем.

¹⁵ Дондук-Омбо, отправляя в 1739 г. своих посланников в Тибет, не знал, что к этому времени Далай-лама уже вернулся в тибетскую столицу.

им не без тягости. И по оному контайшиному намерению послал от себя далай-лама посланника в Пекин к богдыхану китайскому и объявил намерение контайши, что желает идти в согласие и сочинить трактаты» [7, с. 97]¹⁶. Переговоры начались в начале 1734 г. и шли три года, в 1737 г. закончились при новом императоре Хунли (девиз правления Цяньлун, прав. 1736–1795).

Галдан-Цэрэну удавалось находить компромиссы с цинским двором, например, и в вопросе исполнения в Лхасе религиозных треб. Таким образом, с разрешения императора Галдан-Цэрэн смог направить посольство в Тибет. Вот что говорится в источнике:

«Пятый год правления императора Цяньлун (1740), февраль, *и-мао*. Император Цяньлун жаловал Галдан-Цэрэну высочайший указ: «В своем докладе ты написал: “наш народ верит тибетскому буддизму, поэтому я хотел просить отправить людей для участия в чайной церемонии в храмах Тибета. Однако, всякого разного груза много, и сотня людей не сможет перевезти, потому настоятельно прошу разрешить мне взять с собой 300 человек”. Ранее, из-за кончины Панчен-Эрдэни, ты запросил разрешения для отправки людей к участию в чайной церемонии в храмах Тибета. Я издал указ пропустить вас, однако распорядителей должно быть не более 100 человек. Теперь ты пишешь, что 100 человек недостаточно, чтобы увезти все, и просишь увеличить до 300 человек. И эту просьбу я удовлетворяю. Ты должен выбрать людей, которые правильно понимают суть дела. Пусть они придут в Донкор (монастырь), я направлю людей для сопровождения» [5, р. 305].

Однако по неизвестным причинам посещение Тибета было отложено. В русском архивном документе отмечено: «Война между китайцами и зенгорцами завершена, и по договору позволено... пропустить зенгорских посланцов к далай ламе для духовных изправлений в 200 человек калмык и положено чтоб оные посланцы приехали на китайскую границу в ноябре месяце 1740 г.» [21, л. 515]. И хотя еще в январе следующего, 1741 г., тех послов еще не было на границе [21, л. 517], в конце концов, посольство все же направилось в Тибет. Поскольку прибытие джунгаров было в то время редчайшим случаем для Лхасы, тем более, если принять во внимание, что Далай-лама, лишь несколькими годами ранее вернувшийся из ссылки, все еще не обладал реальной властью, то это нашло отражение в тибетских источниках. Вот что отмечено В. Д. Шакабпой: «В 1743 г. прибыло около трехсот представителей джунгарского правителя Ганден Церинг Вангпо, чтобы представить великолепные подношения Далай-ламе и священным местам в Цанге», однако его мнение о том, что «похоже, что на этот раз китайцы не смогли изгнать джунгаров» [12,

¹⁶ Вероятно, Галдан-Цэрэн направил своих послов к Далай-ламе в Гартар, на что он должен был получить разрешение от императора.

р. 456], как мы видим, было неверно – поездка была согласована с цинскими властями.

В случае, если дело касалось джунгарских лам, то император требовал особого контроля и проверки, поскольку, оказавшись в Тибете, они могли, как считалось, преследовать политические цели:

«Восьмой год правления императора Цяньлун (1743), декабрь, *гуй-хай*.

Лянчжоуский генерал Ухэту предоставил доклад императору: «Джунгарский посол Чунамука привез ламу Лобсанга Тензина в Тибет. Я спросил у посла, кто этот лама? Выяснил, что этот лама уже прожил 26 лет в Джунгарии, ныне представился удобный случай в связи с перевозкой подношений к чайным церемониям. Посол просил разрешить ламе вернуться в Тибет. Посол просил об этом в связи с прецедентом, связанным с ламой Гацзинь-линьцинем, который был оставлен и сейчас проживает в храме Лолуньбу. Цзюньван Полханэ наблюдает за его действиями». Император Цяньлун издал указ: «Лобсанг Тензин слишком долго прожил в Джунгарии, ему нельзя верить. Если разрешить ему жить в Тибете, есть опасения, что он будет шпионить. Следует разыскать Гацзинь-линьциня и Лобсанга Тензина, и отправить их в один из монастырей столицы» [5, р. 339].

Галдан-Цэрэн уделял большое внимание развитию буддизма в своем ханстве. «К трем ранее существовавшим дацанам он прибавил еще два дацана Чойра и Джудпа, и всего стало три дацана Чойра. Кроме того, он повелел, чтобы пятьсот малолетних ребят приняли обет и посвящение от ламы Галдан-Иши из провинции Цзан... Для каждого послушника он поставил две юрты и дал по три прислужника и по две лошади. Дал для разведения стад по два верблюда, по шесть кобыл, одному жеребцу и сотню овец. И выделил для потребностей храма шерсти и сукна. Таким образом, в своем почитании монашествующих хан был подобен ранее бывшему в Тибете хану по имени Ралпачан. Этот хан Галдан-Цэрэн, подобным образом почитая драгоценное вероучение, царствовал около двадцати лет» [9, с. 136].

Согласно С. Ч. Дасу, «Галдан-Церинг Ванпо пригласил известного преподавателя и мудреца Палдан Еше¹⁷, руководителя Тосам-лина¹⁸ из Таши-лхунпо, Лобсана Пунцока, аскета винаи из Дрепунга, который был главой факультета Гоманг, и Гедуна Легпа, главу монастыря Сера» [10, р. 154 (70–71)], при этом Лобсан Пунцок, джунгарец по происхождению, стал главным ламой Джунгарии, а Гедун Легпа открыл занятия по метафизике и диалектике.

¹⁷ Упомянут выше как Галдан-Иши.

¹⁸ В составе Таши-лхунпо были три больших факультета: Тхо-самлинг (Thoi samling), Шарце-гашанг (Shar tse ta tshang) и Кийил-кханг (Kyil khang), Тхо-самлинг был самым большим [22, р. 189, note 1].

Очевидно, что Галдан-Цэрэн был искусным политиком и действовал более гибко, нежели его отец. Несмотря на военное противостояние империи, он сумел не только сохранять и развивать буддийскую веру в Джунгарии, но и поддерживать отношения с тибетскими лидерами. Однако качества Галдан-Цэрэна не перешли к его потомкам. Цэван-Дорджи, сын и преемник Галдан-Цэрэна, не отличался лидерскими качествами и в 1750 г. был убит своим братом Лама-Дорджи. Для Джунгарии наступил смутный период разобщения и падения авторитета центральной власти.

В том же 1750 г. в Тибете произошло восстание Джурмэда Намгьяла, сменившего своего отца Пхоланая на посту правителя Тибета тремя годами ранее. Вероятно, он имел связь с джунгарами, но по ряду причин, в том числе в силу упомянутых выше проблем у самих этих ойратов, которые не могли ему помочь, восстание было быстро подавлено. Год спустя после этого восстания император восстановил правительство Далай-ламы *Ганден-пходранг* и вернул Калсану Гьяцо властные полномочия. Последующие попытки джунгаров наладить отношения с лхаскими правителями пресекались императором, который, вместо этого, предложил обучать джунгарских лам в пекинских монастырях.

С точки зрения изучаемого вопроса важным результатом правления Галдан-Цэрэна стала стабилизация отношений с Тибетом и диалог с цинскими императорами, причем первое непосредственно зависело от второго. В период 1727–1750 гг. джунгаро-тибетские отношения в религиозном аспекте, судя по всему, оставались в целом стабильными, достигнув пика в 1742–1743 гг., несмотря на приоритет светской власти в лице Пхоланая, но затем пошли на спад. Завершение отношений стоит отнести к 1750 г., когда не стало тибетского и джунгарского правителей, сыновей основных творцов контактов между Джунгарией и Тибетом второй четверти XVIII в., а сами страны вступили в новый период своей истории, где определяющую роль стал играть император Цяньлун.

Заключение

История джунгаро-тибетских отношений в первой половине XVIII в. состояла из трех основных этапов, каждый из которых характеризовался определенным изменением состава участников взаимодействия и последующими результатами.

Первый этап: 1703–1717 гг., когда имели место столкновения между светскими лидерами Тибета (*гьялло* Лхавзаном и *дипой* Сангье Гьяцо) при одновременном умалении значения религиозных (Далай-лам Шестого и Седьмого). Тогда же наблюдается рост интереса к ситуации в Тибете со стороны кукунорских хошутов и джунгарского правителя Цэван-Рабдана. В этот период произошел целый ряд принципиальных событий: правление *гьялло* Лхавзана, казнь *дипы* Сангье Гьяцо, смерть Далай-ламы Шестого и обнаружение его нового воплощения.

Второй этап: 1717–1727 гг., здесь основным событием является захват Лхасы джунгарами (1717–1720), который повлек за собой ряд последствий. Важнейшим из них следует считать возрождение статуса Далай-ламы (Седьмого) силами империи Цин, с 1720 г. увеличившей свою вовлеченность в ситуацию в Тибете. Одновременно политическое влияние хошутов на тибетские дела пошло на спад. Судя по всему, к концу правления Цэван-Рабдана отношения между Джунгарией и Тибетом фактически прекратились.

Третий этап: 1727–1745/1750, в основном охватывает период правления в Джунгарии Галдан-Цэрэна и в Тибете Пхолоная. Будучи опытными политиками, оба этих лидера могли находить компромиссы с цинским императором Цяньлуном. Главное событие этого этапа – посещение Далай-ламы Седьмого посольством Галдан-Цэрэна в 1742–1743 гг., оно отмечено даже в русских архивных документах. Давая разрешение на посещение джунгарами Лхасы, цинский император действовал как мироустроитель и охранитель освященного порядка. Таким образом, он утверждал образ Китая как буддийской империи, легитимизируя тем самым свои решения и поступки, среди которых вмешательство в дела Тибета, в том числе влияние на джунгаро-тибетские отношения, занимали далеко не последнее место. Конец первой половины XVIII в., 1750 г., фактически завершает эпоху отношений между Джунгарией и Тибетом.

Литература

1. *Sum-pa mkhan-po Ye-shes dpal-'byor. The annals of Kokonor.* Transl. by Ho-Chin Yang. Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. Vol. 106. Bloomington: Indiana University; The Hague: Mouton and Co.; 1969. 125 p.
2. Petech L. *China and Tibet in the early XVIIIth century: history of the establishment of Chinese protectorate in Tibet.* Second, revised ed. Leiden: E. J. Brill; 1972. 309 p.
3. Petech L. Notes on Tibetan History of the 18th Century у *T'oung Pao. Second Series.* 1966;52(4/5):261–292. – Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/4527650> (дата обращения: 11.12.2012).
4. Pomplun T. *Jesuit on the Roof of the World: Ippolito Desideri's Mission to Tibet.* Oxford: University Press; 2009. 320 p.
5. Цин шилу чжуньгээр шилуо чжайбянь (*Материалы из цинских «Правдивых записей» по истории Джунгарии*). Урумчи; 1987. 652 с. (На кит. яз.)
6. Praag M. Van, Walt C. Van. *The Status of Tibet. History, Right and Prospects in International Law.* Boulder, Colo.: Westview Press; 1987. 381 p.
7. Гуревич Б. П. *Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в.* М.: Наука; 1983. 309 с.
8. *Желтая история (Шара туджи).* Пер. с монг., транслитер., введ. и комм. А. Д. Цендиной. М.: Восточная литература; 2017. 406 с.
9. Джамбадорджи. Хрустальное зеркало. *История в трудах ученых лам.* М.: Т-во научных изданий КМК; 2005. С. 62–154.

10. Das S. Ch. Rise and Progress of Buddhism in Mongolia (Hor). *JASB*. 1882;(51):58–75. Репринт: *Tibetan Studies: Sarat Chandra Das*. Ed. by A. Chattopadhyaya. Calcutta and New-Delhi, 1984. P. 149–161.

11. Чжан-му, Хэ Цютао. *Мэн-гу-ю-му-ци (Записки о монгольских кочевьях)*. Пер. с кит. П. С. Попова. СПб.: Паровая скоропечатня П. О. Яблонского; 1895. 487+92 с.

12. Shakabpa T. W. D. *One hundred thousand moons: an advanced political history of Tibet*. Transl. and annot. by Derek F. Maher. Vol. 1. Leiden–Boston: Brill; 2010. 574 p.

13. Rockhill W. W. *The Dalai Lamas of Lhasa and Their Relations with The Manchu Emperors of China 1644–1908*. Dharamsala: LTWA; 1998. 95 p.

14. Позднеев А. М. *Монгольская летопись Эрдэнийн эрхэ. Подлинный текст с переводом и пояснениями. Материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г.* СПб.: Типография императорской академии наук; 1883. 421 с.

15. Desideri I. *Mission to Tibet: the extraordinary eighteenth-century account of Father Ippolito Desideri, S. J.* Transl. by Michael J. Sweet; ed. by Leonard Zwilling. Boston: Wisdom Publications; 2010. 725 p.

16. *Пагсам-джонсан: История и хронология Тибета*. Пер. с тиб. яз., предисл., коммент. Р. Е. Пубаева. М.: Наука; 1991. 265 с.

17. *Архив внешней политики Российской империи*. Ф. 113. Оп. 113/1. Д. 1. 1724.

18. Kraft E. S. *Zum Dsungarenkrieg im 18 Jahrhundert. Berichte des Generals Funingga, Aus einer mandschurischen Handschrift übersetzt und an Hand der chinesischen Akten erläutert*. Leipzig: Veb Otto Harrassowitz; 1953. 191+4 S.

19. Чимитдоржиев Ш. Б. *Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв.* М.: Наука; 1978. 216 с.

20. Yangdon D. Rig 'dzin Dpal ldan bkra shis (1688–1743) and the emergence of a tantric community in Reb kong, A mdo (Qinghai). *Journal of the International Association of Buddhist Studies*. 2011/2012;34(1–2):3–30.

21. *Архив внешней политики Российской империи*. Ф. 119. Оп. 119/1. Д. 41. 1737–1741.

22. Waddell L. A. *Tibetan Buddhism: With its Mystic Cults, Symbolism and Mythology, and in Its Relation to Indian Buddhism*. Dover Publications, Inc.; 1972. XVIII+598 p.

References

1. Ho-Chin Yang (transl.) *Sum-pa mkhan-po Ye-shes dpal-'byor. The annals of Kokonor*. Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. Vol. 106. Bloomington: Indiana University; The Hague: Mouton and Co.; 1969. 125 p.

2. Petech L. *China and Tibet in the early XVIIIth century: history of the establishment of Chinese protectorate in Tibet*. Second, revised ed. Leiden: E. J. Brill; 1972. 309 p.

3. Petech L. Notes on Tibetan History of the 18th Century. *T'oung Pao. Second Series*. 1966;52(4/5):261–292. Available at: <http://www.jstor.org/stable/4527650> . Accessed: 24.02.2021.

3. Gurevich B. P. *International Relations in Central Asia in the 17th– First Half of the 19th Centuries*. Moscow: Nauka; 1983. 330 p. (In Russ.)

4. Pomplun T. *Jesuit on the Roof of the World: Ippolito Desideri's Mission to Tibet*. Oxford: University Press; 2009. 320 p.

5. *Qing shi lu zhun ga er shi liao zhai bian (Materials from Qing True Records on the history of Dzungaria)*. Wu lu mu qi; 1987. 652 p. (In Chinese)
6. Praag M. Van, Walt C. Van. *The Status of Tibet. History, Right and Prospects in International Law*. Boulder, Colo.: Westview Press; 1987. XXVI, 381 p.
7. Gurevich B. P. *International Relations in Central Asia in the 17th– First Half of the 19th Centuries*. Moscow: Nauka; 1983. 330 p.
8. Tsendina A. D. (transl. from Mong., transl., foreword and comments) *Yellow story (Shara tuji)*. Moscow: Oriental literature; 2017. 406 p. (In Russ.)
9. Jambadorghi. *Crystal Mirror. History in the Works of the Learned lamas*. Moscow: KMK Scientific Publications; 2005, pp. 62–154. (In Russ.)
10. Das S. Ch. Rise and Progress of Buddhism in Mongolia (Hor). *JASB*. 1882, no. 51, pp. 58–75. Reprint: Chattopadhyaya A. (ed.) *Tibetan Studies: Sarat Chandra Das*. Calcutta and New-Delhi, 1984, pp. 149–161.
11. Popov P. S. (transl. from Chinese) *Zhang-mu, He Qiutao. Men-gu-yu-mu-ji (Notes on the Mongol nomads)*. St. Petersburg: P. O. Yablonskago's Steam printing house; 1895. 487 + 92 pp. (In Russ.)
12. Shakabpa T. W. D. *One hundred thousand moons: an advanced political history of Tibet*. Transl. and annot. by Derek F. Maher. Vol. 1. Leiden–Boston: Brill; 2010. 574 p.
13. Rockhill W. W. *The Dalai Lamas of Lhasa and Their Relations with The Manchu Emperors of China 1644–1908*. Dharamsala: LTWA; 1998. 95 p.
14. Pozdneyev A. M. *The Mongolian Chronicle “Erdeniyin Eriche”. Original text with translation and explanations. Materials for the history of Khalkha from 1636 to 1736*. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences; 1883. 421 p. (In Russ.)
15. Desideri I. *Mission to Tibet: the extraordinary eighteenth-century account of Father Ippolito Desideri, S.J.* Transl. by Michael J. Sweet; ed. by Leonard Zwilling. Boston: Wisdom Publications; 2010. 725 p.
16. Pubaev R. E. (transl. from Tibetan, foreword, comments) *Pugsam Jonsan: The History and Chronology of Tibet*. Moscow: Nauka; 1991. 265 p. (In Russ.)
17. *Archive of the foreign policy of the Russian Empire*. F. 113. L. 113/1. File 1. 1724. (In Russ.)
18. Kraft E. S. *Zum Dsungarenkrieg im 18 Jahrhundert. Berichte des Generals Funingga, Aus einer mandschurischen Handschrift übersetzt und an Hand der chinesischen Akten erläutert*. Leipzig: Veb Otto Harrassowitz; 1953. 191+4 S.
19. Chimitdorzhiev Sh. B. *Relations between Mongolia and Russia in the 17th–18th centuries*. Moscow: Nauka; 1978. 216 p. (In Russ.)
20. Yangdon D. Rig 'dzin Dpal ldan bkra shis (1688–1743) and the emergence of a tantric community in Reb kong, A mdo (Qinghai). *Journal of the International Association of Buddhist Studies*. 2011/2012;34(1–2):3–30.
21. *Archive of the foreign policy of the Russian Empire*. F. 119. L. 1. File 41. 1737–1741. (In Russ.)
22. Waddell L. A. *Tibetan Buddhism: With its Mystic Cults, Symbolism and Mythology, and in Its Relation to Indian Buddhism*. Dover Publications, Inc., 1972. XVIII+598 p.

HISTORY OF THE EAST

Kitinov B. U., Liu Qiang. The periodization of the relations between Dzungaria...
Orientalistica. 2020;4(1):77–95

Информация об авторе

Китинов Баатр Учаевич – доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Отдела истории Востока, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия.

Information about the author

Baatr U. Kitinov – Dr. habil. of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Research Fellow, Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Author's Links

Информация об авторе

Лю Цян – аспирант Российского университета дружбы народов, Сянфань, Китайская Народная Республика.

Information about the author

Liu Qiang – Ph. D. student, Peoples' Friendship University of Russia, Xiangfan, Peoples' Republic of China.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The authors declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 17 июля 2020 г.
Одобрена после рецензирования: 07 декабря 2020 г.
Принята к публикации: 06 января 2021 г.
Опубликована: 30 марта, 2021

Article info

Submitted: July 17, 2020
Approved after reviewing: December 07, 2020
Accepted for peer publication: January 06, 2021
Published: March 30, 2021

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

All authors have read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«*Ориенталистика*» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.